

Расхожая фраза «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен» становится все более актуальной для сегодняшнего этапа развития глобальной системы безопасности. Прошло уже более четырех лет со дня терактов в Нью-Йорке, которые стали новым трагическим историческим рубежом для всего мирового сообщества. Именно они со всей очевидностью доказали, что новые риски, вызовы и угрозы уже вышли за рамки теоретических рассуждений политологов, социологов и историков, став реальностью сегодняшнего дня. События 11 сентября 2001 г. стали своего рода «лакмусовой бумажкой» процесса новой структурной трансформации системы международных отношений и безопасности, перехода от однополярности к многополярности.

Все большую значимость обретают региональные центры силы, такие как Китай, Индия². В этих условиях Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) в особенности привлекает к себе внимание. Сегодняшняя региональная система безопасности (в АТР) создавалась в первую очередь с опорой на военное присутствие США. АТР в максимально возможной степени входил в сферу геополитических интересов США, для реализации которых использовались японо-американский союз, военное присутствие в Южной Корее, влияние Вашингтона на Тайвань. Одновременно с этим в регионе не сложилось ни системы сдерживания и противовесов, ни диалоговых механизмов, которые позволяли бы трансформировать систему безопасности в соответствии с современными реалиями, как это произошло, например, в Европе, где региональная система безопасности, созданная еще в период биполярного мироустройства, благополучно перестроилась под однополярную структуру международных отношений и сейчас вновь перестраивается под многополярную. Система безопасности в АТР изначально была «мертворожденной», даже в период холодной войны она не исполняла свои функции. Появление большого числа потенциальных полюсов и центров силы именно в АТР окончательно ее расшатало.

Результатом этого процесса стала концентрация в регионе огромного количества конфликтных зон, в которых пересекаются интересы всех ведущих региональных акторов (сегодня этих зон не меньше одиннадцати: остров Тайвань; Южные Курильские острова; острова Токто; острова Сэнкаку; Пескадорские острова и острова Пратас; Парасельские острова; острова Спратли и др.). В каждой из этих зон заложен высокий потенциал дестабилизации. Вследствие этого большинство новых вызовов существующей глобальной системе безопасности нагляднее всего проявляется именно в АТР: пиратство, борьба за энергоресурсы, интеграция³. Но на первом месте среди них находится новый виток распространения оружия массового уничтожения.

Все вышеизложенные процессы являются контекстным фоном для исследования вопроса, заявленного нами. Поэтому столь пространное введение в проблему представляется необходимым для адекватного восприятия некоторых прогнозируемых нами сценариев, которые на первый взгляд могли бы показаться невероятными. Действительно, ряд тезисов данной работы могут восприниматься как спорные и являться предметом

полемики. Однако актуальность подобного исследования не вызывает сомнения, поскольку в условиях общей геополитической нестабильности могут реализоваться даже самые неожиданные риски и угрозы, особенно в давних конфликтных зонах, к которым относится и Тайваньский пролив.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ ДЛЯ ТАЙВАНЯ

Уже никто не может отрицать особую значимость развития КНР как глобального геополитического фактора. Очертания будущего мироустройства, несомненно, будут во многом зависеть от сегодняшних действий Китая на мировой арене. Одной из важнейших и наиболее взрывоопасных проблем в АТР становится вопрос воссоединения острова Тайвань с материком. Неудивительно, что данный вопрос актуализируется именно в настоящее время, в период кризиса и перестройки системы безопасности. Сегодня целый комплекс причин побуждает Китай активизировать решение давней проблемы.

Во-первых, геополитическая значимость подобного шага – решение вопроса – станет своеобразным символом перехода Китая в разряд мировых держав. Если говорить прямо, неприсоединение острова, сохранение существующего на данный момент *status quo*, а тем более возможная декларация полной независимости со стороны Тайваня ставят под большое сомнение со стороны всех акторов международных отношений имидж Китая как «государства XXI века», его геополитические возможности, амбиции и уровень влияния. Во-вторых, с военно-политической точки зрения переход Тайваня под полную юрисдикцию КНР может стать одним из сильнейших (если не роковых) ударов по военному присутствию США в регионе. Уже более 40 лет США рассматривают Тайвань не только как политического союзника (сателлита) в рамках АТР, но и как «непотопляемый авианосец», стратегически важную базу, одну из опор для инфраструктуры ВМФ США в АТР. В свою очередь, обретение Тайваня, особенно если оно произойдет мирным путем, резко повысит уровень военного потенциала КНР, оно просто жизненно необходимо, если КНР действительно стремится превратиться в морскую державу и экстраполировать свое присутствие на океанический уровень. В-третьих, присоединение острова несет в себе огромные экономические, финансовые, производственные и технологические выгоды. Наконец, в-четвертых, присоединение – это важная идеологическая победа, необходимая КПК и новой, четвертой генерации лидеров Китая⁴.

Все это ставит тайваньский вопрос на повестку уже сегодняшнего дня. Неизбежность его скорейшего решения становится все очевиднее. Но в таком случае для Китая обостряется и проблема выбора метода реализации подобного решения. Эта дилемма в самое ближайшее время может стать проверкой силы нового поколения китайских руководителей.

В 90-е гг. XX века Китай не раз декларировал и демонстрировал серьезность своих намерений относительно присоединения острова, возможность использования Народной Освободительной Армии Китая (НОАК) в случае объявления островом независимости. КНР всегда резко и болезненно реагировала на любые попытки правительства Тайваня получить мировое признание как суверенное государство. Однако за всеми проявлениями готовности к силовому решению всегда стояло понимание того, что оно приемлемо только в крайнем случае. Слишком уж много существовало сдерживающих факторов: в первую очередь это было невыгодно самому Китаю. Грубо говоря, «игра не стоила свеч»: слишком велики были затраты, а остров после победной кампании терял практически всю экономическую привлекательность. Кроме того, в первой половине и середине 90-х гг. XX века доминирующая роль США казалась неизбежной, Китай не мог позволить себе вступить в противостояние или, тем более, в открытый конфликт. Свою позитивную роль в китайско-американских отношениях играл и курс «политики вовлечения», избранный администрацией Клинтона. В тот период казалось, что мирное «возвращение острова в лоно родины» – дело времени: в пользу подобного взгляда говорили такие неоспоримо оптимистичные факты, как «заявление трех нет» Клинтона в Шанхае в 1998 г., «консенсус 1992 г.»⁵, а также общее усиление контактов между берегами пролива, выразившихся в

огромном объеме инвестиций, бизнес-связей, кажущейся открытости к диалогу. Все это позволило некоторым исследователям даже говорить о том, что экономическая интеграция уже произошла и политическая, следовательно, не за горами⁶.

Сегодня ситуация изменилась кардинальным образом. Во-первых, последующие действия администрации Тайваня были направлены на сохранение *status quo* и демонстрировали нежелание входить в Китай даже по гонконгской модели. Более того, шаги и декларации президента Чэнь Шуйбяня на последних президентских выборах на Тайване говорили о стремлении к официальной независимости. Во-вторых, республиканская администрация Буша открыто перешла к «политике сдерживания» в отношении Китая. В-третьих, новые вызовы и угрозы, расшатывающие глобальную систему безопасности, акцентуализировали возможность и даже необходимость силового решения в условиях общей геополитической нестабильности. Подтверждением тому можно считать северокорейский ядерный кризис, в процессе мирного урегулирования которого КНР получила возможность вступить в политический торг за право обладания Тайванем в обмен на свою помощь США в разрешении кризиса⁷. В-четвертых, проблема сроков решения вопроса резко обострилась, по ряду аспектов став важнее, нежели экономические выгоды воссоединения.

Все вышеизложенные факторы резко переориентировали курс, проводимый китайским руководством в отношении тайваньской проблемы. Судя по всему, Китай сейчас как никогда ранее желает «разрубить гордиев узел». Доказательством этому может служить принятие Всекитайским Собранием народных представителей (ВСНП) в 2005 г. закона, по сути дающего юридическое право на военный захват острова Китаем. Независимость Тайваня сегодня по-прежнему зависит от позиции США, но и эта защита уже не воспринимается такой надежной, как раньше. В таких условиях главной геополитической задачей, стоящей перед руководством Тайваня, становится задача обеспечения военной безопасности.

Наконец мы вплотную подходим к вопросу актуальности нового витка распространения ядерного оружия и в отношении Тайваня. Отстранимся на время от множества факторов, удерживающих Тайвань от этого варианта, – их мы рассмотрим позднее и попытаемся объективно спрогнозировать реальность подобного сценария. Сейчас обратимся к причинам, которые, напротив, могут спровоцировать подобное развитие событий.

Первой из причин является активизация действий со стороны КНР по присоединению острова военным путем – это важнейшая причина, заставляющая Тайвань искать пути выхода на мировые рынки вооружений, стремиться к расширению военного партнерства с США, резко наращивать затраты на покупку вооружений всех типов⁸. Нельзя исключить, что в условиях поиска «последней соломинки утопающего» Тайвань обратится и к ядерной военной программе.

Катализатором и второй причиной данного процесса может послужить уже упоминавшийся «эффект ядерного домино». Мы должны согласиться, что со времени обретения Пакистаном ядерного оружия темпы распространения резко возросли, особенно применительно к Ближнему Востоку и Азиатско-Тихоокеанскому региону. А то, что ядерные технологии двойного назначения получают страны, не являющиеся «респектабельными» с точки зрения своих более развитых и благополучных соседей, еще больше обостряет эту проблему. В подобном контексте вполне объяснимо возвращение общественного интереса в таких странах, как Япония и Южная Корея, к вопросу возобновления своей ядерной программы в целях защиты собственной национальной безопасности⁹. Если на миг представить, что северокорейский кризис не будет урегулирован в ближайшее время, а, наоборот, обострится, то велика вероятность целой череды «выходов из ДНЯО по десятой статье», что может завершиться крахом режима. Для Тайваня же эта юридическая процедура может оказаться даже проще, чем, например, для Японии, в связи с его «половинчатым» статусом в Договоре. Как известно, Тайвань сегодня не признается ООН и большинством международных организаций в качестве суверенного государства, поэтому его участие в ДНЯО, как и его отношения с МАГАТЭ регулируются специальными договоренностями¹⁰. Эти договоренности, несмотря на их действенность, ни в коей мере нельзя считать полным эквивалентом ДНЯО.

Кроме приведенных объективных факторов представляется возможным выделить и ряд менее вероятных, субъективных, которые, тем не менее, могут в определенных обстоятельствах стать реальностью. Пристальнейшего внимания заслуживает внутривнутриполитическая обстановка на Тайване. Как известно, последние президентские выборы в очередной раз продемонстрировали достаточно высокую напряженность и противоречивость во взглядах как между партиями Тайваня, так и внутри самих партий. Чэнь Шуйбянь победил, однако в том, какой ценой эта победа была достигнута, мы можем увидеть несколько интересных тенденций применительно к нашей теме.

Во-первых, оба кандидата активно спекулировали на национальных идеях тайваньского общества, что очень симптоматично. В частности, Чэнь Шуйбянь как политический игрок достаточно уверенно придерживается, с одной стороны, имиджа «борца за идею независимости острова от материка», с другой стороны, имиджа прагматичного политика, готового к широкому диапазону действий в целях удержания власти и сохранения общего направления своего курса. Причем эти действия могут быть очень рискованными с точки зрения сохранения мира в проливе. Непосредственно со времени его прихода к власти Чэнь стал восприниматься как политик, от которого можно ожидать практически любого неожиданного шага – как в сторону налаживания контактов с Пекином, так и в сторону независимости. Во многом этим объясняется охлаждение отношений и уменьшение прямых контактов между нынешним руководством острова и высокопоставленными лицами в США – слишком уж г-н Чэнь непредсказуем. Достаточно вспомнить его стремление провести предвыборный референдум относительно оборонного планирования или его декларацию об изменении конституции Тайваня в 2006 г.

Одновременно с этим нельзя не отметить и непоследовательность, прослеживающуюся в его политических заявлениях и действиях. Это второй важный фактор. Причина непоследовательности кроется в том, что Чэнь Шуйбянь вынужден лавировать между интересами слишком многих политических сил – как внутренних, так и внешних, особенно с учетом поляризации настроений в обществе. Нельзя забывать о том, что достаточно большая доля населения считает воссоединение неизбежным, стремится к налаживанию связей между берегами пролива. Именно эта линия сегодня поддерживается оппозицией в лице Гоминьдана. Параллельно с этим в последнее время в очередной раз резко усилились и националистические настроения, особенно в среде молодежи и военных. В этой связи весьма примечателен факт покушения на президента Чэня и вице-президента Люй за двое суток до президентских выборов, что вызвало огромное количество споров, взаимных обвинений и фактически привело к расколу тайваньского общества, заставив оба лагеря выйти на демонстрации. А спорный результат выборов едва не привел к серьезнейшему внутривнутриполитическому кризису. Важно и то, что причиной раскола являлся именно вопрос обеспечения собственной безопасности¹¹.

Третий показательный момент связан с проведением последних выборов и приуроченным к ним «оборонным» референдумом¹², точнее, с реакцией США на данный референдум. У многих исследователей сложилось впечатление, что референдум, помимо решения своих прямых задач, должен был выявить позицию Белого дома в случае обострения конфронтации между островом и материком. И результаты были показательны: в условиях жесточайшего торга по северокорейской проблеме и забуксовавшей контртеррористической операции в Ираке США стало выгоднее сотрудничать с Пекином¹³. Белый дом пошел на шаг, который не мог не насторожить Тайбэй, – он осудил проведение «оборонного» референдума¹⁴. Судя по всему, сегодня все более явственно прослеживается закономерность отношения Вашингтона к Тайваню как к разменной карте в большой геополитической игре с Китаем. Особенно если предположить вполне вероятный переход власти в США от республиканцев к демократам, традиционно в большей степени ориентированным на поиск компромиссов в американско-китайских отношениях. Таким образом, в среднесрочной перспективе можно ожидать и резкую переориентацию позиции США по тайваньскому вопросу.

Наконец, в-четвертых, мы можем догадываться о еще одной любопытной тенденции. Судя по всему, «смятение в умах» присутствует и у людей, принадлежащих к одной социальной страте и, вероятно, внутри самих борющихся партий. Так, например, военные

и сотрудники полиции традиционно являлись опорой Гоминьдана, представляя собой во многом замкнутую касту. Однако с ростом уровня демократизации тайваньского общества армия пополнилась молодыми выдвиженцами с ярко националистическими взглядами, которые, в отличие от членов Гоминьдана, верных принципам Чан Кайши, не воспринимают Тайвань частью единого Китая, захваченного коммунистическими мятежниками. Кроме того, если даже большая часть армии и до сих пор поддерживает Гоминьдан (не зря перед последними выборами армия и полиция были переведены на казарменное положение, в связи с чем Лянь Чжань не досчитался достаточно большой доли голосов), то мы можем заметить определенный раскол в позициях верхушки вооруженных сил. Многие генералы, обязанные своей карьерой Чэню, – яркие националисты.

Не удивительна в этих условиях и реакция той части общества Тайваня, которая в наибольшей степени настроена на обретение островом юридической независимости и суверенитета. Резко активизировалась полемика по вопросу поиска возможных путей, чтобы отстоять свою независимость собственными силами. То, что в рамках этого поиска всплыла тема «возможности возобновления ядерной программы Тайваня», уже никого не удивило¹⁵. В том числе и Китай материковый, который и до этого активнейшим образом использовал подобный сценарий в своей пропаганде. Естественно, факт обретения Тайванем ядерного оружия или даже неоспоримые доказательства его разработки будут равносильны *casus belli*. Однако в крайних «общественных» взглядах, которые с достаточной регулярностью публикуются в китайской печати, проблема даже только сохранения потенциальной возможности реализации ядерной программы Тайванем уже давно воспринимается как неоспоримый мотив готовности прибегнуть к военной операции. В качестве одного из наиболее ярких примеров можно привести статью «Почему я считаю необходимым быстрее объединиться силовым путем – секретное Тайваньское ядерное оружие». Смысл ее сводится примерно к следующему: затягивание процесса объединения ничего не изменит, а идея «мирного объединения» есть не что иное, как затягивание; если Тайвань объявит независимость или заявит о наличии ядерного оружия, то Китай все равно будет вынужден применить силу, но в таком случае жертв с обеих сторон будет гораздо больше, нежели если начать операцию немедленно¹⁶.

Но если позиция китайской стороны по данному вопросу очевидна и мнения авторов разнятся лишь относительно реальности подобного сценария и жесткости предлагаемых контрмер, то тайваньская общественность и политические деятели всерьез высказывают диаметрально противоположные точки зрения. Полемика идет активно, причем не только в печати, но и на интернет-форумах. Естественно, что опасные высказывания на страницах тайваньских признанных периодических изданий и информационных агентств или декларации должностных лиц привлекают внимание всей мировой общественности.

В этой связи стоит отметить вызвавшую много шума статью в англоязычной *Taipei Times* в августе 2004 г., главным тезисом которой стало утверждение: «Уничтожение десяти крупных китайских городов станет хорошим противовесом китайскому стремлению к [насильственному] объединению и заставит Китай три раза подумать, прежде чем его предпринимать»¹⁷. Хотя автор статьи не заявил о существовании на Тайване проекта разработки ядерного оружия, тем не менее он практически открыто высказался за необходимость рассмотрения подобной возможности.

По указанным выше причинам новая волна интереса к проблеме в тайваньском обществе была вызвана предвыборной кампанией, и хотя мнения, высказывавшиеся в процессе борьбы, зачастую были одиозными, тем не менее они симптоматичны. Например, одно из самых известных высказываний тайваньских официальных лиц – заявление президента Ли Дэнхуэя, сделанное еще в 1995 г.: «Тайвань сейчас не ведет разработок ядерного оружия, но этот вопрос стоит рассмотрения»¹⁸. А уже через три года, в 1998 г., Чэнь Шуйбянь высказался в том же ключе: «У Тайваня нет военного ядерного проекта, но мы постоянно держим в уме такую возможность»¹⁹. Огромный резонанс, особенно в китайской печати, получило высказывание бывшего высокопоставленного тайваньского военно-морского чиновника Гу Чанляня, который в октябре 2004 г. заявил, что на Тайване могут секретно вестись разработки военной ядерной программы «небольшой группой

из пяти человек» (дословно)²⁰. Хотя данное высказывание мало кем было принято всерьез, тем не менее идея «небольшой секретной группы» была подхвачена и сторонниками, и противниками идеи «тайваньского оружия сдерживания». Не менее любопытна и позиция, высказанная в конце того же года одним из членов тайбэйской администрации Ю, который видит модель сдерживания насильственного объединения примерно следующим образом: «Вы бьете по нашему Тайбэю, мы бьем по вашему Шанхаю»²¹. Как правило, после подобных деклараций появляются заявления, отражающие официальную позицию, например известное заявление «четыре нет ядерному оружию Тайваня» заместителя министра обороны Тайваня 16 октября 2004 г.: «Тайвань не разрабатывает, не производит, не размещает, не применит ядерное оружие»²². Таким образом, очевидно, что дискуссия о возможности разработки и наличия ядерного оружия на Тайване ведется даже в высших эшелонах власти острова.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЯДЕРНОЙ ОБЛАСТИ НА ТАЙВАНЕ

История ядерной программы Тайваня начинается в 50-х гг. XX века. Тогда множество факторов благоприятствовало ее быстрому развитию. В первую очередь это международный статус Китайской Республики как законной власти всего Китая. Республика воспринималась как суверенное государство, государство-победитель Второй мировой войны. Руководство Гоминьдана в лице Чан Кайши имело налаженные связи и поддержку на Западе, хороший имидж генерала – «политика, с которым можно и нужно договариваться», его личные контакты позволяли добиться условий максимального международного одобрения таким начинаниям, как реформа вооруженных сил, грандиозное строительство в Тайбэе, развитие экономики и торговли²³, равно как и ущемление прав коренных жителей острова. В программу модернизации страны вошло и развертывание собственной ядерной программы. Она предусматривала эксперименты по производству ядерного топлива, строительство на территории страны собственного реактора, в перспективе – создание сети АЭС.

Вторым фактором, катализирующим процесс реформ на Тайване, было жесткое и в то же время целенаправленное руководство Гоминьдана и Чан Кайши при одновременной активной финансовой подпитке широкомасштабных национальных проектов.

В результате первый ядерный реактор был запущен в Национальном университете Цинхуа в 1956 г. Можно предположить, что в тот период приоритет не отдавался военной стороне программы. Однако, скорее всего, ситуация изменилась в 1964 г. в связи с испытанием первого ядерного боезаряда КНР. Это событие, с одной стороны, поставило на карту престиж Китайской Республики как олицетворения китайской цивилизации, с другой стороны, важным стимулом стала необходимость ядерного паритета с материком.

Эти соображения вынудили руководство Гоминьдана в июле 1965 г. издать приказ о создании «Чжуншаньского института науки и техники», подотчетного Министерству обороны. Данный институт в 1966–1967 гг. получил заказ на исследования военного применения ядерной энергии на сумму 140 млн. долл. Естественно, тематика разработок была засекречена. В феврале 1966 г. будущие руководители Чжуншаньского института посетили израильские исследовательские центры²⁴. Вероятно, в дальнейшем Тайвань широко использовал израильские наработки, несмотря на то, что не имел с Израилем установленных дипломатических связей. Особенную помощь в исследованиях в ядерной области в 1966–1968 гг. Тайвань получил от Комиссии по атомной энергии США. 1 июля 1968 г. произошло официальное открытие Чжуншаньского института. Институт занимал площадь более 300 га, в его штате состояло 6300 научных сотрудников и 8500 человек технического персонала, треть сотрудников были военными²⁵. Помимо Чжуншаньского института, являвшегося «секретным и таинственным центром» всей программы, по выражению китайских исследователей, в ней были задействованы исследовательские центры Университета Цинхуа, Тайбэйского университета, Университета путей сообщения. С течением времени все большую роль в программе начал играть вскоре созданный Институт исследования ядерной энергии Тайваня (ИИЯЭ). Ежегодные затраты на

содержание программы составляли более 100 млн. долл. Проект подразумевал строительство реактора на тяжелой воде, завода по производству тяжелой воды, исследовательской лаборатории по переработке облученного топлива и завода по выделению плутония²⁶.

В конце 1960-х гг. Тайвань наладил очень тесное сотрудничество с Германией, Канадой, Францией, где активно покупались оборудование, материалы и, вероятно, разработки. Так, до 1973 г. только в ЮАР было закуплено более 100 т природного урана, а по некоторым данным – в небольших количествах в США для исследовательских целей приобретался и плутоний²⁷. Вопрос сырья был и остается одним из актуальнейших для любых ядерных программ на Тайване, так как он не обладает собственными источниками. Чуть позже в Канаде был куплен 40-мегаваттный тяжеловодный исследовательский реактор, аналогичный тому, на котором Индия изготавливала плутоний для своей первой ядерной бомбы²⁸. В 1968 г. Тайвань подписал ДНЯО и ратифицировал его в 1970 г., однако, вероятнее всего, это не означало свертывания военной части ядерной программы. К тому времени среди прочих были налажены тесные контакты с Лос-Аламосской лабораторией, которую регулярно посещали сотрудники Чжуншаньского института и Университета Цинхуа, со многими исследовательскими центрами в Европе. Хотя официально взаимодействие шло по направлению развития мирного атома, тем не менее большинство тайваньских специалистов были военными.

Закат «золотого века» тайваньской военной ядерной программы начался с признанием США КНР в качестве единственного олицетворения китайской государственности. В феврале 1972 г. президент Р. Никсон совершил свой исторический визит в КНР, который ознаменовал собой процесс поиска путей возобновления контактов между Пекином и Вашингтоном. Финалом этого сближения стал официальный разрыв дипломатических отношений между США и Китайской Республикой и установление их с Китайской Народной Республикой в 1979 г. А уровень мирового сотрудничества в ядерной области с Тайванем уже в начале 1970-х гг. резко пошел на спад. Тем не менее работа над военной ядерной программой продолжалась как минимум до 1976 г. В том году инспекция МАГАТЭ выявила проведение в Тайване экспериментов над нигде не учтенными 500 граммами плутония²⁹. К этому времени тайваньская ядерная программа уже представляла серьезную геополитическую опасность для США, которые стремились к сохранению стабильности в проливе, пытаясь, с одной стороны, контролировать Тайвань и одновременно, с другой стороны, избежать конфронтации с КНР. В результате, под давлением МАГАТЭ, США и «мировой общественности», Тайвань официально полностью отказался от военных разработок в ядерной сфере, о чем президент острова объявил в сентябре 1976 г.

Однако сын Чан Кайши Цзян Цзинго, занявший через год после его смерти в 1975 г. пост президента, всегда являлся активнейшим сторонником разработки Тайванем собственного ядерного оружия. Он еще в 1960-е гг. курировал тайваньский ядерный проект в должности директора Комитета по научному развитию. Вероятно, уже в начале 1980-х гг. Тайвань возобновил секретные разработки военного ядерного проекта. Причем происходило это по уже апробированной схеме прикрытия исследований «развитием мирного атома». Место «базового» центра занял уже упоминавшийся ИИЯЭ. В 1985 г. его штат составлял 1100 человек, институт обладал современнейшим оборудованием (в частности, канадским исследовательским реактором), официально разработки касались вопросов производства ядерного топлива для АЭС и исследований технологий радиохимической переработки облученного урана. Ответственность за то, что военная область разработок не была быстро обнаружена и развивалась, в китайских источниках возлагается на США, хотя именно ЦРУ опубликовало доказательства наличия этого проекта. Дело в том, что в конце 1970-х – начале 1980-х гг. именно США компенсировали «сворачивание» военной программы поставками ядерного топлива для мирных целей. Например, 28 сентября 1984 г., когда, судя по всему, «вторая попытка» Тайваня находилась в апогее развития, между США и Тайванем было заключено соглашение на поставки для АЭС низкообогащенного урана на сумму в 2 млрд. долл. в течение 30 лет. По некоторым китайским оценкам, около 10% данных поставок использовалось не по назначению. Кроме того, по тем же оценкам, около 70% всех выпускников физиков-ядерщиков Университе-

та Цинхуа, распределяемых в ИИЯЭ, в середине 80-х гг. отправлялись на обучение и стажировки в США, где знакомились с новейшими ядерными технологиями³⁰.

Новый удар по тайваньской ядерной программе был нанесен заместителем директора Института исследования ядерной энергии Тайваня. Он был завербован ЦРУ в 60-е гг. XX века, еще в его бытность кадетом военной академии. В 1987 г. полковник Чан с помощью ЦРУ бежал в Америку с пакетом документов, доказывающих проведение на Тайване активнейших разработок секретной военной программы³¹. Это вызвало серьезное давление США на администрацию Ли Дэнхуэя, еще не освоившуюся в управлении островом и зачастую даже не знавшую о целом ряде фактов государственной важности. Кроме того, одной из целей заявленного новым президентом курса на демократические преобразования было усиление лоббирования тайваньских интересов в Конгрессе США, а доказательство существования таких дестабилизирующих фактов, как военная ядерная программа, несомненно, повредило политическому имиджу новых руководителей Гоминьдана в глазах мировой общественности. Поэтому в 1988 г. Тайвань официально признал проведение исследований и ряда экспериментов в 1980-х гг., имевших военную направленность, но декларировал свой отказ от деятельности в этом направлении в будущем, что, помимо всего прочего, было подтверждено письменными гарантиями президента Ли Дэнхуэя президенту США Р. Рейгану. 40-мегаваттный исследовательский реактор, использовавшийся в программе, сначала был закрыт для проведения его конверсии в реактор на легкой воде³², но в итоге был просто демонтирован. Кроме того, Тайвань продолжал получать топливо для АЭС. Официальная позиция Тайваня относительно обретения им собственного ядерного оружия с тех пор не претерпела изменений.

В истории развития военной ядерной программы Тайваня нам представляется возможным особо обратить внимание на три фактора, которые могут помочь нам в оценке потенциальных рисков сегодняшней ситуации и спрогнозировать возможные сценарии развития событий в данном вопросе.

Во-первых, сразу бросается в глаза двойственная роль США в истории программы. С одной стороны, именно благосклонное отношение США во многом способствовало старту проекта. Несомненна и поддержка США технологиями, возможностью обучения персонала, поставками сырья, материалов и оборудования на всех этапах разработок. Причем этот тезис применителен и к периоду полной секретности исследований. Без поддержки США они были бы если не полностью невыполнимы, то как минимум крайне затруднены. Особенно сильным негативным аспектом является постоянное влиятельное протайваньское лобби в Конгрессе и администрациях всех без исключения президентов США³³. Именно благодаря этому лобби Тайвань всегда получал, получает и будет получать в дальнейшем возможности приобретения ядерных материалов и оборудования под предлогом развития мирных ядерных проектов, в то время как наладить реально действующий механизм контроля над применением данных средств в лоббистских кругах не считается необходимым условием. Огромную роль в данном вопросе играют обширные личные связи руководства Тайваня в США³⁴. Именно этой своего рода «протекцией» объясняется заключение островом контрактов на приобретение сырья даже после скандалов, связанных с выявлением военных ядерных разработок. США и сегодня поддерживает развитие на Тайване ядерной промышленности и исследований в области «мирного атома»³⁵.

С другой стороны, именно позиция США является одним из основных сдерживающих факторов для Тайваня во всех вопросах, каким-либо образом касающихся проблемы независимости. Обретение островом ядерного оружия – провокация, которая ни в коей мере не отвечает интересам США. Сегодня Тайваню жизненно необходима уверенность в военной помощи США в случае конфликта с материком. Это является главным залогом сохранения *status quo* в проливе. Но Тайвань, как квази-государственное образование, государство *de facto*, одним из главных геополитических приоритетов не может не иметь задачу обретения государственного статуса *de jure*. Для этого Тайвань должен получить возможность защитить себя от китайских притязаний без прямой помощи со стороны США. Конечно, в соответствии с реалиями сегодняшнего дня трудно всерьез воспринимать возможность подобного развития событий. Мы рассматриваем процесс воссоединения как неизбежный. Но в рамках данной работы нам в первую очередь необходимо осознать двойственность

интересов мятежного острова: не потерять защиту США, что равноценно присоединению, и одновременно усилить свой оборонный потенциал до такой степени, чтобы в теории суметь отказаться от американской опеки. В свете этой дилеммы мы должны анализировать и актуальность создания ядерного оружия Тайванем.

Вторая особенность тайваньской военной ядерной программы состоит в «богатом опыте» проведения секретных разработок. В течение как минимум двух периодов – с 1968 по 1976 г. и с начала 1980-х по 1988 г. наличие проекта было основательно засекречено. В связи с этим опасения китайских исследователей относительно существования «секретной малой группы» не кажутся столь уж необоснованными. Создание же этой «малой группы», а также условий и инфраструктуры для ее продуктивного функционирования не является особой сложностью для современного Тайваня.

Третья отличительная черта – то, что серьезными вехами в тайваньской ядерной программе всегда становились периоды перехода власти и внутривластные кризисы. Свертывание программы в 1976 г. произошло через год после смерти Чан Кайши. В это время Цзянь Цзинго еще только стал лидером Гоминьдана, президентом же он будет избран лишь в 1978 г. Следующий знаковый момент – подписание гарантий об отсутствии военного ядерного проекта в 1988 г. произошло сразу после перехода власти к Ли Дэньхуэю после смерти Цзянь Цзинго. Сегодня политическая система Тайваня является в полной мере демократической, однако, на наш взгляд, очень симптоматичен тот факт, что дискуссия в тайваньском обществе, касающаяся вопроса военной ядерной программы, возобновилась в процессе неоднозначной и агрессивной предвыборной кампании.

ПОТЕНЦИАЛ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ТАЙВАНЯ

Этот вопрос также не поддается однозначной оценке. В 1988 г., в период последнего свертывания тайваньской военной ядерной программы, многие западные эксперты полагали, что проект на тот момент уже был близок к завершению. По мнению ЦРУ, Тайвань в течение одного года мог бы полностью завершить исследовательские разработки и испытания, после чего приступить к созданию собственного военного ядерного потенциала³⁶. В частности, остров активнейшим образом вел разработки в сфере выделения плутония. Сегодня оценки технического и технологического потенциала возобновления тайваньской ядерной программы сильно разнятся. Нам кажется возможным выделить два диаметрально противоположных взгляда на данный вопрос, которые чаще всего встречаются в источниках.

Первая точка зрения особенно распространена в западных и российских оценках, суть ее сводится к тому, что даже в случае возобновления Тайванем военных разработок в ядерной сфере они не могут быть завершены очень быстро – для этого потребуются годы. Аргументы в пользу данной позиции достаточно серьезны. Во-первых, тайваньская ядерная программа была свернута «качественно», так как закрытие исследовательских центров, конверсия реактора, инвентаризация оборудования и материалов проводились под достаточно жестким контролем представителей МАГАТЭ, с одной стороны, а также сотрудников спецслужб и Министерства энергетики США – с другой. По оценкам российских спецслужб, все официально импортированное оборудование, материалы и технологии не дают Тайваню возможности создать ядерное оружие³⁷. Естественно, отсутствие подобных вливаний извне и учет поставляемого на остров ядерного сырья значительно затруднили возможность скрытого развертывания и деятельности параллельного военного проекта. Во-вторых, со времени «последней попытки» Тайваня минуло уже больше пятнадцати лет. За это время наверняка были утеряны не только некоторые практические разработки, но, отчасти, и интеллектуальный потенциал, способный работать в данном направлении. Большинство из ведущих ученых, работавших в проекте 1980-х гг. и имевших практический опыт разработок ядерного оружия, сегодня уже не могут так же активно, как раньше, быть задействованными в программе. В то же время новое поколение специалистов в области ядерной энергии работает исключительно в области «мирного атома» и, следовательно, не имеет практического опыта в вопросах военной стороны исследований. Наконец, в-третьих, запасы сырья, необходимого для создания ядерного оружия,

на Тайване крайне малы. Сегодня Тайвань официально обладает менее чем двумя килограммами плутония, а также двумя тоннами урана, которые находятся под гарантиями МАГАТЭ на предмет их целевого использования. Помимо этого, под большим вопросом наличие у Тайваня адекватных задач разработок в сфере ядерно-топливного цикла, маловероятным кажется и наличие неучтенного оборудования для этих целей. Таким образом, в рамках этой концепции авторы называют срок от 8 до 10 лет³⁸.

Вторая точка зрения более широко представлена в китайских и тайваньских источниках. Правда, ее появление имеет противоположные мотивы. Китайская сторона заинтересована в привлечении внимания ко всем потенциальным угрозам, исходящим от независимой провинции, а также акцентуализации их значимости с целью использования в рамках собственной пропаганды. Тайвань же, очевидно, стремится подать мировой общественности свои возможности в наиболее сильном ключе. В результате именно в АТР достаточно широко распространено мнение, что «создание ядерного оружия для Тайваня – вопрос не технологий и разработок, а вопрос политического решения». В частности, приверженцы данной концепции называют срок в 3–4 месяца. Приводимые ими аргументы также нельзя не принимать во внимание.

Во-первых, ядерную энергетику Тайваня называют «главным детищем Гоминьдана». За время правления партии на острове Тайвань добился весомых успехов в развитии мирной атомной программы. Сегодня остров обладает тремя действующими АЭС, четвертая находится в последней стадии строительства (см. таблицу 1). Электроэнергия, вырабатываемая ядерными реакторами, составляет 25–30% от общего объема потребления электроэнергии в стране³⁹. Статистические данные о развитии атомной энергетики острова и карта расположения реакторных площадок приведены ниже. Помимо этого сегодня Тайвань официально обладает двумя действующими исследовательскими реакторами, одним заводом по переработке урана, заводом по производству ядерного топлива, одним хранилищем отработавшего ядерного топлива – все они находятся под контролем гарантий МАГАТЭ⁴⁰. Безусловно, столь высокий уровень развития мирной ядерной программы предполагает как наличие разноплановых технологий, так и достаточное количество высококлассных специалистов.

Таблица 1

Действующие и проектируемые энергетические реакторы на Тайване

Реактор	Тип	МВт	Дата ввода в эксплуатацию
В эксплуатации			
Цзиньшань-1	GE BWR-4 Реактор на кипящей воде	604	12/1978
Цзиньшань-2	GE BWR-4 Реактор на кипящей воде	604	7/1979
Гошэн-1	GE BWR-6 Реактор на кипящей воде	948	12/1981
Гошэн-2	GE BWR-6 Реактор на кипящей воде	948	3/1983
Мааньшань-1	W PWR Легководный реактор	890	7/1984
Мааньшань-2	W PWR Легководный реактор	890	5/1985
В стадии строительства			
Лунмэнь-1	GE ABWR усовершенствованный кипящий ядерный реактор	1300	2004 (?)
Лунмэнь-2	GE ABWR усовершенствованный кипящий ядерный реактор	1300	2005 (?)

Источник: Джардин Л. Дж., Холси У. Дж., Смит Ч.Ф. Технические основы обеспечения хранения иностранного отработавшего ядерного топлива и его захоронения в России. Министерство энергетики США. Ливерморская национальная лаборатория им. Лоуренса, 2000. <http://nuclearno.ru/pdf/taiwan.pdf>

Оценки наличия запасов обработавшего топлива на Тайване

	Реакторных лет	ОЯТ (т)	ОЯТ (сборки)
BRW-4 Реактор на кипящей воде	40	800	3500
BRW-6 Реактор на кипящей воде	31	700	3000
W PWR Реактор на воде под давлением	29	600	1100
Всего	100	2100	7600

Исследовательские реакторы на Тайване

Реактор	Тип	Дата запуска	Статус
THOR	2 MW TRIGA Conv	1961	Функционирует
THAR	10 KW Argonaut	1974	Выведен из эксплуатации – 1991
THMER	0 KW Mobile Edu.	1975	Закрит – 1976
TRR	40 MW Heavy Water	1973	Закрит – 1988
TRR-II	20 MW Pool	Около 2006	Строительство
WBRL	Homog (L)	1983	Выведен из эксплуатации
ZPRL	30 KW Pool	1971	Функционирует

Источник: База данных исследовательских реакторов МАГАТЭ.
<http://www.iaea.org/worldatom/rrdb/>

Рис. 1. Карта Тайваня с указанием расположения реакторных площадок

Источник: Taiwan Atomic Energy Council. <http://www.aec.gov.tw/>

Хотя получение материалов для ядерного оружия на имеющихся объектах мирной атомной энергетики острова практически невозможно, тем не менее, судя по всему, Тайвань обладает технологией «соплогового» обогащения урана, известной как «метод Беккера»⁴¹, технологией лазерного обогащения⁴². На острове длительное время и достаточно успешно велись разработки в области радиохимической переработки облученного урана, эксперименты по выделению плутония. Следовательно, есть основания говорить о том, что Тайвань обладает и технологиями, необходимыми для получения ядерных материалов – как для мирных целей, так и для использования при создании ядерного оружия.

Во-вторых, китайские авторы особенно часто обращают внимание на то, что Тайвань сумел максимально близко подойти к созданию ядерного оружия именно в тот период, когда его военные разработки были официально закрыты, он являлся членом ДНЯО, а официальные поставки материалов и оборудования ставились под гарантии МАГАТЭ. Вывод, который делают китайские исследователи, напрашивается сам собой: велика вероятность, что Тайвань достаточно долго скрывает проведение работ по созданию ядерного оружия. Наибольший ажиотаж вызывает факт существования «малой группы», о которой уже упоминалось выше⁴³. Связано это с тем, что впервые данная идиома была использована именно тайваньскими политиками.

В-третьих, Тайвань имеет длительные и прочные связи в ядерной области с ЮАР, Израилем, поддержание подобных контактов возможно и с Пакистаном и КНДР⁴⁴. В этих условиях существует потенциальная опасность получения Тайванем в обход МАГАТЭ материалов, которые ему необходимы для создания ядерного оружия⁴⁵.

При определении степени реалистичности возможности возобновления Тайванем военной ядерной программы мы обязаны учитывать скорость, с которой она может быть приведена к своему логическому завершению, то есть время, за которое Тайвань реально может произвести и испытать ядерный боезаряд. Если мы примем точку зрения, изложенную нами первой, то тем самым признаем отсутствие серьезной угрозы существующему режиму нераспространения со стороны Тайваня. Относительно сегодняшней скорости развития исторического процесса и изменения мировой геополитической обстановки 8–10 лет – огромный срок, который сам по себе нивелирует дестабилизирующий потенциал подобных решений. Но ситуация предстает в абсолютном ином ракурсе, если мы согласимся, хотя бы отчасти, с доводами приверженцев второй концепции. На наш взгляд, за 4 месяца Тайвань никак не сможет завершить проект: помимо принятия политического решения, необходимо будет решить целый комплекс проблем – от проведения испытаний, которые неизбежно рассекретят проект, до адаптации полученного боезаряда к имеющимся средствам доставки. Но мы в любом случае должны признать, что потенциал возобновления военной программы у Тайваня есть, а значит, реально существует и потенциальная геополитическая опасность, которой стоит уделять гораздо более пристальное внимание.

РАКЕТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТАЙВАНЯ. СРЕДСТВА ДОСТАВКИ – ПРОБЛЕМА?

В контексте рассмотрения потенциальной возможности возобновления ядерного военного проекта Тайванем мы неизбежно должны обратиться и к вопросу его обладания средствами доставки ОМУ. Как нами уже указывалось выше, в условиях постоянного противоборства острова с материком Тайвань непрерывно наращивал собственный суммарный оборонный потенциал. Вооружение покупалось и производилось по специальным заказам везде, где только это возможно, в первую очередь, конечно, в США⁴⁶. Даже отсутствие международного признания и государственного статуса не могло сдерживать этот процесс, и Тайвань давно стал одним из серьезных покупателей на мировом рынке вооружений и военных технологий. Тайвань имеет давние налаженные каналы ВТС с США, Израилем, Германией. Одновременно с этим развитие ВПК острова тоже не стояло на месте, всегда получая мощнейшую государственную поддержку. В результате между берегами пролива сложилась ситуация, когда начало военной операции со стороны материка неизбежно встретит серьезнейшее сопротивление, которое делает невозможным проведение «короткой победоносной войны». Конфликт обязатель-

но затянется, и США получит время на вмешательство в него. Именно на такой сценарий развития событий была ориентирована оборонная доктрина Китайской Республики в период правления Гоминьдана, поэтому и вооружение, которое стремился получить Тайвань, в первую очередь было оборонительным.

Однако этот путь все равно не мог в полной мере отвечать интересам Тайваня как государства *de facto* по двум причинам. Во-первых, подобный курс неизбежно ставил вопрос суверенитета в полную зависимость от США и, во-вторых, никак не мог привести остров к обретению всеобщего международного признания. Поэтому трансформация геополитической ситуации в регионе, опасения потерять в будущем поддержку США, а также стремление администрации президента Чэня к независимости поставили на повестку дня изменение оборонной доктрины острова. Заявления о том, что в скором времени она перестанет быть исключительно оборонительной, а будет предусматривать превентивные и ответные удары по объектам на территории КНР, делались неоднократно самыми высокопоставленными лицами тайваньского руководства⁴⁷. Но эти декларации, скорее всего, так и оставались бы только декларациями, если бы не ряд шагов, свидетельствующих о серьезности этого намерения. Мы можем даже предположить, что Чэнь Шуйбянь намерен внести эти изменения одновременно с планируемым принятием новой конституции острова в конце своего президентского срока. Конечно, проведения всех подобных реформ с очень большой тревогой ожидают в Пекине, возможно, отчасти именно этим вызвано и принятие ВСНП закона о праве КНР на применение силы в решении тайваньского вопроса.

Одним из ярких проявлений процесса переориентации тайваньской военной стратегии является развитие собственного ракетного потенциала. История разработок ракет всех типов и классов на Тайване столь же продолжительна, как и история разработок в ядерной области. И связана она все с тем же Чжуншаньским институтом науки и техники. Некоторые из подразделений этого научного военного центра (Второй и Третий департаменты) изначально были ориентированы именно на разработки в сфере ракетных технологий. Причем охватывался весь комплекс проблем: разработка двигателя, дизайна, аэродинамики, испытания и тесты⁴⁸. Естественно, что одной из целей подобных разработок было создание проектов средств доставки ядерного оружия.

В то же время проведение исследований в области ракетных технологий в меньшей степени зависело от международной конъюнктуры. Поэтому даже в периоды полного запрета и демонтажа военной ядерной программы институт не прекращал работы над созданием и укреплением тайваньского ракетного потенциала. В результате к настоящему времени Тайвань обладает практически полным спектром ракетных вооружений собственного производства, за исключением ракет «воздух-земля», так как на вооружении ВВС Тайваня преобладают самолеты производства США, укомплектованные американскими ракетами этого класса. Также Тайвань предпочитает закупать ракеты «воздух-воздух», хотя и имеет собственные разработки.

На вооружении армии Тайваня на сегодняшний момент находятся:

- В классе «земля-воздух»: три вида ракет, произведенных в полной мере по своим разработкам (*Sky Bow I, II, III*)⁴⁹; планируется покупка американских комплексов противоракетной обороны *Patriot-3*⁵⁰.
- В классе «воздух-воздух»: *Sky Sword-I TC-1* и *Sky Sword-II TC-2*, близкие по характеристикам и дизайну к американским *AIM-7/SPARROW* и *AIM-9/SIDEWINDER*⁵¹.
- В классе «земля-земля» Тайвань обладает всеми типами ракет – от систем залпового огня, неуправляемых ракет *Кунфэн IV*, *Кунфэн VI*⁵² до противокорабельных, тактических и крылатых ракет: *Сюнфэн I*, *Сюнфэн II*, *Сюнфэн III*⁵³. Кроме того, Тайвань закупает в США крылатые ракеты *Harpoon*⁵⁴. Подробнее о характеристиках см. таблицу 4.

В рамках исследуемого нами вопроса особый интерес вызывают тайваньские ракеты класса «земля-земля», представляющие собой непосредственную угрозу объектам на

территории КНР. В этом аспекте тайваньский арсенал особенно пополнился в 2004–2005 гг., в период предвыборной кампании и возвращения интереса общественности и политиков к вопросу изменения стратегии сдерживания в проливе. За год с небольшим «мятежный остров» провел целый ряд испытаний, ставших очень тревожным сигналом для материка.

Информация о работе над созданием ракет *Сюнфэн IIA* и *Сюнфэн IIE*, хотя она и велась секретно, появлялась и в западной, и в азиатской печати с завидной регулярностью на протяжении последних 5 лет. То есть, судя по всему, проект был активизирован именно после прихода к власти Чэнь Шуйбяня, хотя первые сообщения о прототипе *Сюнфэн II* появились еще в середине 1990-х гг.⁵⁵. Первые серьезные испытания ракеты проводились в 2001 г.⁵⁶; проект стал принимать более четкие очертания. Стало очевидно, что различные модификации ракеты *Сюнфэн II* предназначены для поражения надводных, подводных (*Сюнфэн IIA*) и наземных целей (*Сюнфэн IIE*). В конце 2004 г. проводились итоговые испытания *Сюнфэн IIA*. По данным западных источников, это противокорабельная ракета, обладающая скоростью 0,65–0,7М, весом боеголовки 180–225 кг, дальностью полета 100 км, снабженная системами самонаведения и защиты от помех⁵⁷. Конечно, это был успех Чжуншаньского института, но гораздо больший резонанс в мире вызвало сообщение о том, что 5 июня 2005 г. на Тайване была испытана модификация *Сюнфэн IIE*⁵⁸. По тайваньским данным, во время испытаний на одной из военных баз на юге острова ракета пролетела 500 км и точно поразила цель. Тайваньские источники заявляют, что максимальная дальность поражения ракеты составляет 1000 км. Учитывая то, что ширина пролива составляет всего 160 км, ракета стала первым оружием острова, которое может напрямую угрожать мегаполисам юго-востока КНР и более чем 20 крупным военным базам⁵⁹. Китайская сторона отреагировала незамедлительно, вполне адекватно расценив испытания как угрозу стабильности и военной безопасности в проливе⁶⁰. В то же время иногда в китайских источниках выражается серьезное сомнение в возможности ракеты преодолевать расстояние в 1000 км, они предпочитают указывать 500 км (основываясь на том расстоянии, которое она пролетела на испытаниях)⁶¹. Но и в таких источниках не отрицается опасность для Китая, которую несет в себе это оружие, особенно в свете заявлений Министерства обороны Тайваня о том, что ракета будет поставлена на поточное производство уже в конце 2005 – начале 2006 г. и станет ответом 700 тактическим ракетам КНР, нацеленным на остров⁶².

Кроме того, в прессе появились сообщения о том, что в 2001 г. на Тайване был возвращен к жизни и другой ракетный проект все того же Чжуншаньского института – *Сюнфэн III*, подразумевающий создание противокорабельной ракеты, обладающей сверхзвуковой скоростью⁶³. По некоторым данным, сейчас проект уже близок к завершению, и финальные испытания могут быть проведены в начале 2006 г.; дальность полета этой ракеты составляет около 500 км, скорость 2,3 М⁶⁴. Пока не ясно, может ли в рамках этого проекта появиться аналог, предназначенный для поражения наземных целей, но, как показывает опыт *Сюнфэн-II*, такой вариант не исключен.

В качестве последней иллюстрации высокого уровня развития тайваньского ракетостроения нами был выбран еще один проект Чжуншаньского института, который, во всяком случае пока, официально не был возобновлен. Работа над созданием баллистической ракеты средней дальности *Тянь ма/Sky Horse* велась параллельно с развитием военной ядерной программы. Естественно, они были тесно взаимосвязаны и результатом должно было стать создание адаптированных друг к другу ядерного боезаряда и средства доставки. Однако, также под давлением США, проект *Тянь ма* был свернут в середине 1980-х гг., но интерес к нему не ослабевал, регулярно возникали данные о возможности его возобновления, что опять же легко ассоциируется с дискуссией о возможности возобновления тайваньской ядерной программы⁶⁵.

На наш взгляд, приведенные выше данные наглядно свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития тайваньских технологий в области ракетостроения. Кроме того, нам представляется необходимым отметить еще три достаточно тревожных аспекта. Во-первых, по мнению большинства западных экспертов, тайваньские ракеты *Сюнфэн-I* являются «клоном» израильских ракет *Габриэль*⁶⁶. В дальнейшем развитии серии прослежива-

ется определенное заимствование у американских *Harpoon*. Не является ли это доказательством давнего и тесного сотрудничества тайваньских и израильских специалистов? А если это сотрудничество действительно было и существует, в какой еще сфере оно может вестись? Напрашивающийся ответ не требует дальнейших комментариев. Во-вторых, достаточно показательным, на наш взгляд, является сам факт того, что разработки острова в области ракетостроения ведутся организацией, теснейшим образом связанной с историей военной ядерной программы.

В-третьих, и это главное, по указанным нами выше причинам сегодняшнее руководство «мятежного острова» уверенно держит курс на усиление собственной обороноспособности и, в среднесрочной перспективе, уменьшение своей зависимости в этом вопросе от геополитической позиции США. За время президентства Чэнь Шуйбяня был сделан рывок в обретении островом целого ряда вооружений, носящих не только оборонительный, но и наступательный характер. Обо всем этом можно судить по темпам развития ракетного потенциала Тайваня в первые годы XXI века. В контексте такой переориентации военной стратегии и оборонной доктрины острова стоит задать вопрос: где будет та граница в развитии наступательных вооружений сдерживания и устрашения, которую Тайвань не переступит? Есть ли эта граница вообще? Шаг, который необходимо сделать Тайваню для создания собственного ядерного оружия, не столь уж велик, а последствия такого решения могут иметь уже необратимый характер.

Таблица 4

Характеристики некоторых типов ракет Тайваня

	<i>Сюнфэн I</i>	<i>Сюнфэн IIA</i>	<i>Сюнфэн IIE</i>	<i>Сюнфэн III</i>	<i>Тянь ма</i>
Длина	3,9 м	4,65 м	6 м	3,9 м	Нет данных
Диаметр	34 см	39 см	50 см	40 см	Нет данных
Вес	540 кг	685 кг	1600 кг	520 (?) кг	Нет данных
Вес боеголовки	150 кг	180–225 кг	450 кг	Нет данных	Около 500 кг
Скорость	0,9 М	0,65–0,7 М	0,7 М	2,0–2,3 М	Нет данных
Дальность	Около 50 км	130 км	500–1000(?) км	500 км	1000–2000 км

Таблица составлена по данным *Jane's Information Group*. <http://www.janes.com>

ПРО ТАЙВАНЯ. ВЗГЛЯД ТАЙБЭЯ

Несколько в стороне от исследуемой нами темы, но в то же время в тесной взаимосвязи с ней находится вопрос ПРО Тайваня. Сегодня остров, по большому счету, беззащитен перед нацеленными на него огромными арсеналами ракет КНР. В последние годы президентства Ли Дэнхуэя, когда актуализировалась идея создания региональной системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД), гоминьдановская администрация острова всецело выступила в поддержку включения острова в систему. Было даже дано специальное президентское распоряжение правительственным ведомствам совместно с министерством обороны проработать конкретные детали этого плана, невзирая на затраты, которые были бы неминуемы при его реализации⁶⁷. Естественно, эти заявления вызвали дежурную критику со стороны Пекина, который выступил «решительно против продажи американского оружия на Тайвань (особенно – противоракетных систем *Patriot*) и вовлечения острова в планируемую к развертыванию систему ПРО ТВД для Азии»⁶⁸. Также отмечалось, что «подключение Тайваня в любой форме к системам ПРО, создаваемым иностранными государствами, является неприемлемым и серьезно подорвет стабильность в регионе»⁶⁹. Но на тот период всем заинтересованным сторонам были очевидны цели взаимных действий и их последствия. Тайвань Ли Дэнхуэя действовал в русле оборонной военной доктрины, стремясь всеми возможными способами получить как можно больше оборонного вооружения и заручиться как можно боль-

шими гарантиями безопасности со стороны США. По выражению генерала Тан Фэя, который был министром обороны в правительстве президента Ли, «военное строительство должно обеспечить Тайбэю равные права на переговорах между двумя берегами Тайваньского пролива, Тайвань выступает за проведение этих переговоров на паритетной основе»⁷⁰. То есть для Тайваня того периода участие в ПРО должно было стать всего лишь одним из козырей в процессе дипломатического торга с Пекином. КНР вполне осознавала эти мотивы, реально понимая, что остров не в состоянии полностью обезопасить себя покупкой даже огромной партии систем *Patriot*. Это была привычная ситуация «обмена ударами», «размена фигур», направленная на получение тех или иных политических выгод сторонами в процессе неминуемого сближения.

Ситуация предстала совсем в ином ракурсе после прихода к власти Демократической Прогрессивной Партии Тайваня (ДПП) во главе с Чэнь Шуйбянем. Изменения в вопросе развертывания ПРО ТВД вполне вписываются в изложенную нами схему переориентации военной стратегии Тайваня. С одной стороны, остров стремится получить поддержку вооружениями, технологиями, определенными гарантиями, пока это возможно, со стороны США, с другой – сегодняшняя администрация пытается избежать роли разменной карты в отношениях между КНР и США. Поэтому сегодня Тайвань планирует продолжать получать вооружение от США (в частности и системы *Patriot*), но не собирается входить в состав обязывающих соглашений вроде ПРО ТВД, которые сделают военную безопасность, а значит, и суверенитет острова заложником отношений между двумя центрами силы. Прекрасно иллюстрирует этот тезис позиция генерального секретаря правящей Демократической Прогрессивной Партии Тайваня, бывшего премьер-министра Чжан Цзюньсюня, высказанная им в 2003 г.: «Тайвань не должен приноситься в жертву улучшению отношений между КНР и США [...]. Реализация плана ПРО ТВД приведет к ситуации, когда у Японии, Южной Кореи и Тайваня ядерного оружия не будет, а останется оно только у Китая. То есть в будущем получится так, что ракетно-ядерным потенциалом в азиатской части АТР будет обладать только Китай, в этом смысле американский план оборачивается выгодами только для Пекина... Некоторые наши деятели считают, что мы должны разрабатывать ядерное оружие, чтобы иметь возможность защитить себя»⁷¹.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ТАЙВАНЕМ ВОЕННОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В данной работе мы акцентировали внимание на ряде факторов, которые могут вызвать новый виток дестабилизации существующего баланса сил и безопасности как в Тайваньском проливе, так и в регионе в целом. Безусловно, мы не отрицаем того факта, что все описанные нами сценарии и аспекты рассмотрены в самом пессимистичном и даже апокалиптическом ключе. На сегодняшний момент мы ни в коей мере не можем утверждать, что Тайвань действительно ведет секретные разработки ядерного оружия или официально планирует предпринимать шаги в этом направлении.

С 1970 г. Тайвань является членом ДНЯО. Более того, Тайвань принял к реализации Дополнительный протокол о гарантиях МАГАТЭ⁷² и множество раз подвергался инспекциям Агентства⁷³. Но особый статус Тайваня как квази-государственного образования, государства *de facto* в рамках договора требует пристального рассмотрения в отдельной работе, посвященной этому вопросу.

Трудно спорить с тем, что появление каких-либо серьезных доказательств проведения Тайванем разработок в сфере военных ядерных технологий будет равноценно политическому самоубийству. Скорее всего, подобный сценарий не может быть приемлемым и для сегодняшней администрации президента Чэнь Шуйбяня. В случае обнаружения новых тревожных данных о тайваньской ядерной программе Китай материковый, без сомнения, пойдет на проведение упреждающей силовой операции и, судя по всему, в таком случае будет «в своем праве», так как источником угрозы выступит именно Тайвань. При таком сценарии развития событий США, скорее всего, смирятся с потерей острова в обмен на какие-то политические уступки со стороны КНР. Поэтому Тайвань был бы ре-

ально заинтересован в собственном ядерном оружии *только* в условиях внезапной полной потери поддержки «мирового сообщества»⁷⁴ или же если США продемонстрируют готовность отказаться от своих обязательств по защите суверенитета острова.

В то же время, в рамках данной работы, мы приходим и к целому комплексу неутешительных выводов, связанных с новыми дестабилизирующими процессами, проходящими сегодня в АТР.

Во-первых, Тайвань, на наш взгляд, реально *обладает потенциалом для собственной военной ядерной программы*, которую до определенного периода может развивать тайно, используя: собственные наработки и опыт в этом вопросе; уже налаженные каналы сотрудничества с Израилем и ЮАР или же новые – с Пакистаном или КНДР; развитую ядерную инфраструктуру и практически неограниченные финансовые возможности. Мы не можем уверенно судить о сроках, за которые программа может быть реализована, но представляется, что Тайваню не потребуется для этого слишком уж продолжительное время.

Во-вторых, *Тайвань заинтересован* в укреплении собственной обороноспособности и уменьшении прямой зависимости своего суверенитета от геополитических интересов США в регионе. Поэтому сегодняшняя администрация острова, держащая курс на независимость от Пекина, будет всеми возможными способами *развивать оружие не только оборонительного типа, но и наступательного, чтобы получить возможность использовать угрозу адекватного по силе разрушения ответного или превентивного удара по КНР* в качестве новой модели политики сдерживания между берегами пролива. В первую очередь это касается развития ракетного потенциала Тайваня, в последние годы выходящего на качественно новый уровень.

В-третьих, в этих условиях *правительство президента Чэня будет стремиться*, с одной стороны, всеми силами *поддерживать имидж Тайваня* как правового государства, *руководствующегося духом ДНЯО и существующего режима нераспространения*, государства, действующего в соответствии со всеми взятыми на себя международными обязательствами, дабы по-прежнему сохранять на своей стороне симпатии общественного мнения и ряда международных организаций. С другой стороны, в рамках избранного курса политики сдерживания материка, Тайваню необходимо *сохранять возможность создания собственного ядерного оружия*. Причем в идеале «открытый» потенциал разворачивания программы должен находиться «на грани», «в шаге» от реализации и превращения в жизнь. Более того, Тайвань заинтересован в том, чтобы сведения о психологической готовности лидеров острова принять решение о возобновлении программы периодически муссировались в СМИ, что, в свою очередь, опять же должно продемонстрировать Пекину возможность Тайваня и без помощи Вашингтона нанести сокрушительный ответный удар с использованием ОМУ по густонаселенным районам материка в случае проведения силовой акции присоединения.

Наконец, в-четвертых, в условиях общей дестабилизации и расшатывания региональной системы безопасности, в условиях трудностей, с которыми сегодня сталкивается существующий режим нераспространения, сам факт сохранения потенциальной возможности возобновления военной ядерной программы Тайванем несет в себе геополитическую угрозу. В первую очередь – не столько даже с точки зрения существенного влияния на расстановку сил ведущих акторов международных отношений в регионе, хотя, безусловно, переход конфронтации между материком и «мятежной провинцией» в открытое военное столкновение, да еще и с возможным применением ядерного оружия, может иметь катастрофические и труднопредсказуемые последствия, сколько с точки зрения распространения технологий военного назначения в ядерной сфере. Поэтому сегодня, зная обстоятельства «дела Абдул Кадыр Хана», мы имеем все основания опасаться того, что *Тайвань может стать одним из звеньев в цепи передачи оборудования, материалов или научных данных в этой области, учитывая его контакты, которые крайне трудно контролировать в связи с его неоднозначным статусом государства de facto, но не de jure, как с «пороговыми странами», так и со странами, уже обладающими ядерным оружием.*

Подводя итог, стоит особо отметить, что вопрос о ядерном будущем Тайваня, на наш взгляд, может рассматриваться исключительно в контексте проблемы присоединения острова к материка. Именно архитектура отношений в треугольнике Пекин–Вашингтон–Тайбэй определяла раньше и будет определять в обозримом будущем любую динамику во всех вопросах, касающихся безопасности в проливе. Поэтому и проблема распространения ядерного оружия в отношении Тайваня является крайне труднопрогнозируемой, но оттого еще более взрывоопасной.

Примечания

¹ Автор выражает благодарность Г.М. Евстафьеву, Р.М. Тимербаеву и А.В. Хлопкову за помощь, оказанную в работе над статьей.

² Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений. М.: Институт США и Канады, 1997.

³ Клименко А. К вопросу об эволюции военной политики и военной стратегии Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2004, №2.

⁴ Зиновьев Г. Отношения в треугольнике Вашингтон – Пекин – Тайбэй: политические аспекты (2000–2003 гг.). *Проблемы Дальнего Востока*. 2004, №2.

⁵ Осенью 1992 г. в результате переговоров Пекин и Тайбэй смогли выработать взаимоприемлемую интерпретацию принципа «одного Китая», что получило название «консенсуса 1992 г.», этот принцип должен был стать основой для дальнейшего сближения. В 1993 г. между берегами пролива был достигнут ряд практических соглашений. Однако вскоре возникли новые разногласия относительно идеи «одного Китая» и компромисс умер, так и не родившись. Клинтон достаточно далеко зашел в своем стремлении улучшить китайско-американские отношения. Одним из символов этого курса стало заявление «трех нет» Клинтона во время его визита в Шанхай: «нет – независимости Тайваня, нет – геополитическим схемам «два Китая» и «один Китай, один Тайвань», нет – принятию Тайваня в международные организации, для участия в которых необходим государственный статус».

⁶ Зиновьев Г. Стратегическая неопределенность в Тайваньском вопросе. *Мировая Экономика и Международные Отношения*. 2004, №7.

⁷ Glosserman Brad. Sino-US Relations and Regional Security. Center for Strategic and International Studies. Issues & Insights. Vol. 4, № 7. 2004, August. http://www.csis.org/media/csis/pubs/v04n07_pdf%5B1%5D.pdf

⁸ Причем, несмотря на то, что военный бюджет острова в последние годы официально сокращался (затраты на оборону составляют около 3% от ВВП, порядка 8 млрд. долл. США), тем не менее сокращение это шло в основном за счет оптимизации затрат на личный состав. На деле же реальные затраты на покупку вооружений постоянно росли, так как они, как правило, утверждаются отдельно от оборонного бюджета парламентом Тайваня. Например, именно таким образом была утверждена программа закупок у США 8 дизельных подводных лодок, 6 систем *Patriot PAC III* и 12 противолодочных самолетов-истребителей *F-16*. По той же системе проводятся закупки истребителей-бомбардировщиков *Mirage* во Франции. См., например: <http://www.cdi.org/russia/234-7.cfm> В то же время сегодняшняя администрация острова планирует увеличение и основного оборонного бюджета до 9,14 млрд. долл. США. См.: US Proposes Sale of Missiles and Pilot Training Services to Taiwan. *Jane's Defence Industry*. 2005, 27 October.

⁹ Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии. Под. ред. А. Арбатова, В. Михеева. М.: Московский Центр Карнеги, 2005.

¹⁰ См., например: IAEA INFCIRC/133 и IAEA INFCIRC/158

¹¹ Иванов Д. Живот президента. <http://lenta.ru/articles/2004/03/19/taiwan/>

¹² Проведение «оборонного» референдума мотивировалось внешней опасностью, угрожающей Тайваню, в виде баллистических ракет КНР, нацеленных на остров. Вопрос, который ставился перед населением, звучал так: «Если Китай не уберет ракеты, нацеленные на Тайвань, и не откажется от планов применения силы, согласитесь ли вы с планами правительства нарастить противоракетную оборону в целях укрепления обороноспособности острова?».

¹³ Лузянин С. Пекин и Вашингтон заключают сделку. *НГ-Дипкурьер*. 2004, 26 января.

¹⁴ Верлин Е. Тайбэй пошел на попятную. *Независимая Газета*. 2004, 20 февраля.

¹⁵ The Nuclear Tipping Point. Ed. Campbell K.M., Einhorn R.J., Reiss M.B. The Brookings Institution, 2004. P. 293–313.

¹⁶ О вэй шэньмэ чжучжан ули сутун – Тайвань хэ уци чжими. (Почему я считаю необходимым быстрее объединиться силой – Секретное ядерное оружие Тайваня). <http://bbs.people.com.cn/bbs/ReadFile?whichfile=3112&type&id=92>

¹⁷ Цит. по: Мэйти бао дао Тайвань хэ цзихуа. (Пресса управляет тайваньскими ядерными планами). <http://www.epochtimes.com/gb/4/10/15/n690747.htm>

¹⁸ Цит. по: Тайвань ю энли чжицзао хэуци ма? (У Тайваня есть возможность произвести ядерное оружие?). <http://www.chinataiwan.org/web/webportal/W2001509/A37754.html>

¹⁹ Ibid.

²⁰ Цит. по: Тай ду фэнцзы сянь юн хэу цзюй тун. (Часть тайваньцев хочет использовать ядерное оружие для противодействия объединению). http://news.xinhunet.com/mil/2004-10/22/content_2124784.htm

²¹ Ibid.

²² Тайвань: бу сюньцюнь хэ уци. (Тайвань не добывается ядерного оружия). <http://www.epochtimes.com/gb/4/10/19/n695324.htm>

²³ Воспоминания современников-политиков о работе и контактах с Чан Кайши см., например: Lee K.Y. *The Singapore Story: 1965–2000. From Third World to the First*. Harper Collins Publishers, N.Y., 2000.

²⁴ О вэй шэньмэ чжучжан ули сутун – Тайвань хэуци чжи ми. (Почему я считаю необходимым быстрее объединиться силой – Секретное ядерное оружие Тайваня). Op. cit.

²⁵ Ibid.

²⁶ The Nuclear Tipping Point. Op. cit.

²⁷ К 1988 г. Тайвань сумел накопить 85 кг плутония, однако позже 79,1 кг было возвращено в США. См., например: The Nuclear Tipping Point. Op. cit. или: Albright D., Gay C. *Taiwan's Former Nuclear Bomb Program Revealed*. Institute for Science and International Security. 1997, December 19. <http://www.isis-online.org/publications/taiwan/pr121997.html> или <http://nuclearweaponarchive.org/nwfaq/nfaq7-4.html>

²⁸ The Nuclear Tipping Point. Op. cit.

²⁹ FBIS Report: PRC Media Response to Taiwan Nuclear Weapons Debate Low-key. <http://www.fas.org/nuke/guide/taiwan/fbis111204.html>

³⁰ Тайвань ю чуань яньфа хэ уци дань цзюй тайду нуань мэй ю жэнь цзаньчэн. (Некоторые люди одобряют возобновление развития тайваньской военной ядерной программы). <http://tw.people.com.cn/gb/14811/14873/2927835.html>

³¹ Weiner T. CIA Spy Kept Taiwan from Developing Bomb, Former Officials Say. *New York Times*. 1997, 20 December.

³² Bullard M. Taiwan and Nonproliferation. http://www.nti.org/e_research/e3_61b.html

³³ Chang P.H. The Taiwan Lobby is Different. *International Herald Tribune*. 1997, 1 April.

³⁴ <http://www.politicalamazon.com/bush-chinese.html>

³⁵ Джардин Л. Дж., Холси У. Дж., Смит Ч.Ф. Технические основы обеспечения хранения иностранного отработавшего ядерного топлива и его захоронения в России. Министерство энергетики США. Ливерморская национальная лаборатория им. Лоуренса, 2000. <http://nuclearno.ru/pdf/taiwan.pdf>

³⁶ FBIS Report: PRC Media Response to Taiwan Nuclear Weapons Debate Low-key. Op. cit.

³⁷ Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. (Открытый доклад СВР за 1995 год). <http://www.svr.gov.ru/material/4-tw.html>

³⁸ The Nuclear Tipping Point. Op. cit.

³⁹ Дмитриев В. Камень убрали с дороги. *Новое Время*. 2000, №41.

⁴⁰ Facilities under Agency Safeguards or Containing Safeguarded Material on 31 December 2003. IAEA, Table A24.

⁴¹ Подробнее о технологии см.: Тимербаев Р. Южная Африка: как создавалось ее ядерное оружие и почему она отказалась от него. *Ядерный Контроль*. 2005, №2.

⁴² The Nuclear Tipping Point. Op. cit.

- ⁴³ Фачжань хэу? Гофанбу чжун шэнь сы бу. (Развитие ядерного оружия? Министерство обороны провозгласило «четыре нет»). <http://www.epochtimes.com/gb/4/10/17/n6925595.htm>
- ⁴⁴ La Coree du Nord a Fabrique Une Bombe d'une Tonne en Employant Quatre Kilogrammes de Plutonium. *Le Monde*. 2005, 21 July.
- ⁴⁵ IAEA INFCIRC/534. 1997, 7 April.
- ⁴⁶ Behn S. US Should Build 8 Subs in Deal with Taiwan. *Washington Times*. 2004, 29 September.
- ⁴⁷ Hille K. Taiwan is seeking missiles that could hit China. *Financial Times*. 2004, 26 September.
- ⁴⁸ [Http://www.fas.org/nuke/guide/taiwan/agency/csist.htm](http://www.fas.org/nuke/guide/taiwan/agency/csist.htm)
- ⁴⁹ [Http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/skybow-2.htm](http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/skybow-2.htm)
- ⁵⁰ О модернизации тайваньской армии. *ИТАР-ТАСС*. 2003, 26 августа.
- ⁵¹ [Http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/sky-sword-1.htm](http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/sky-sword-1.htm)
- ⁵² [Http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/kf-6.htm](http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/kf-6.htm)
- ⁵³ [Http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/hf-2.htm](http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/hf-2.htm)
- ⁵⁴ Taiwan has developed mid-range missiles that could hit Chinese cities. *Associated Press*. 2004, 26 September.
- ⁵⁵ Цзеду Тайвань «чжаньфу». (Анализ тайваньского «топора войны»). http://military.china.com/zh_cn/jzwc/03/11028431/20050705/12457455.html
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ [Http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/hf-2.htm](http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/hf-2.htm)
- ⁵⁸ Тайвань сюнхун даодань кэ да Шанхай Сянган. (Стратегическая ракета Тайваня может ударить по Шанхаю и Гонконгу). <http://latelinenews.com/ll/chinese/1370098.shtml>
- ⁵⁹ Production set to begin on Hsiung Feng II-E missiles. *Taipei Times*. 2005, 5 July.
- ⁶⁰ Цзеду Тайвань «чжаньфу». (Анализ тайваньского «топора войны»). Op. cit.
- ⁶¹ Чжуань Тайвань сюнхун даодань ваньчэн цзуйчжун цзочжань пинцэ шэчэн 500 гунли. (Тайвань завершил последние боевые испытания баллистической ракеты. Дальность полета 500 км). <http://news.sohu.com/20050704/n226180098.shtml>
- ⁶² *Taipei Times*. 2005. 5 July. Op. cit.
- ⁶³ Тайвань цзяньюй сююэ шишэ «Сюнфэн-III» чаоиньсу фаньцзянь даодань. (Тайвань к апрелю произведет испытательные пуски сверхзвуковой противокорабельной ракеты «Сюнфэн-III»). <http://www.people.com.cn/GB/junshi/60/20010228/405142.html>
- ⁶⁴ Мэйго мэйти пилу Тайцзюнь «Сюнфэн-III» даодань цзишу шуцзюй. (Данные о Тайваньском проекте ракеты «Сюнфэн-III» из американских СМИ). <http://jczs.sina.com.cn/2005-05-28/1051292126.html>
- ⁶⁵ <http://www.fas.org/nuke/guide/taiwan/missile/index.html>
- ⁶⁶ Ibid.
- ⁶⁷ Китай не исключает применение силы на Тайване. http://gazeta.lenta.ru/daynews/081999/40china_printed.htm
- ⁶⁸ Заявление представителя МИД КНР Чжу Банцзао. *РИА Новости*. 2001, 13 февраля.
- ⁶⁹ Совместное заявление Председателя КНР и Президента РФ по вопросам ПРО. 2000, 18 июля.
- ⁷⁰ Китай не исключает применения силы на Тайване. Op. cit.
- ⁷¹ Американская ПРО выгодна Китаю. *Независимая Газета*. 2003, 12 сентября.
- ⁷² <http://www.iaea.org/ourwork/SV/safeguards/es2004.html>
- ⁷³ Kerr P. IAEA Investigating Egypt and Taiwan. *Arms Control Today*. 2005, January/February. http://www.armscontrol.org/act/2005_01-02/Egypt_Taiwan.asp?print
- ⁷⁴ Мэйсюэчжэ: Тайвань фачжань хэуци ши шидоугучжу. (Американские исследователи: развитие Тайванем ядерного оружия – это неверный путь, который не найдет поддержки). <http://www.washingtonobserver.org/military-twnuclear-102004CN103.cfm>